XX 193/81

ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

№ 8 «З и Ф» 1929

СОДЕРЖАНИЕ: Обложка — фотоэтюд художника Ю. Еремина. □ **Мечеть в Хиве.** Рисунок худ. Т. Анисимовой. □ **Проблемы советского туризма.** Очерк В. П. Антонова-Саратовского. □ **По Хивинскому оазису.** Путевые очерки А. Романовского. □ **На веслах и на боку—до самого Баку.** Очерки П. Гаврилова (продолжение). □ **В стране огня.** Очерк Н. Литвинова. □ **Американский туризм.** Статья Н. Никеля. □ **Турист среди книг.**

ЛЕНИНГРАД XXIX-71

Мечеть Сеид-бай в Хиве—интереснейший архитектурный памятник.

По хивинскому оазису

Путевые очерки **А. Романовского**

Рисунки худ. **И. Заславского**

I

Ханское разбойное гнездо.—Портвейн № 14.—Бурелом на площади.—Цена дерева.—Крылатые кони.

Немного ниже Турт-куля на Аму-дарье находится Карабагская каючная переправа. Если не хотите заплатить двадцать пять рублей за конец, вам придется подождать товаро-пассажирского каюка, который отправляется на левый берег накануне базарных дней в Ургенче. Специальная арба собирает по городу пассажиров и отвозит их к переправе. Арбакеша с высоты доисторической колесницы повелительно кричит:

— Кыто здись на Дарью, сабирай!

И вот вы вне глинобитных стен городка. Дорога сначала юлит между посевами, саклями-крепостцами, арычками, а потом и совсем пропадает, и арба ломит напрямик по полувыжженной луговине: не смущают ее ни песчаные проплешины, ни кочки, ни затоны, оставшиеся от половодья. Вы судорожно хватаетесь за стенки арбы, когда лошадь по брюхо ухает в воду.

В одном из затонов, не отделенном от реки перешейком, сгрудились каюки. Мы со спутником заняли среднее отделение указанной нам лодки; вскоре к нам посадили еще двоих. После того как пассажиры были размещены, началась погрузка товаров, очевидно для того, чтобы не лишить нас этого поучительного зрелища. Перекинули доски к корме, и оборванные люди в тюбетейках забегали по ним мелкими дрожливыми шагами, сгибаясь под тюками и ящиками. Было много криков, суеты и пыли от сброшенных нош; два ящика и мешок переселились в наше «купе», не справляясь о наших желаниях.

Наконец мы отчалили. Каюк сначала прошел немного по течению, а затем наискось направился к противоположному берегу, шныряя между мелями и островками. Аму достигает здесь четырех километров в ширину.

Были уже сумерки, когда мы вошли в канал на противоположной стороне. Это был Шах-абад, или сокращенно Шават—целая река, которая несет свои воды мимо Ургенча, Ташауза, Ильялы и теряется в каракумских песках, как все хивинские каналы.

Где-то слева мерцали огни селения Ханки. Доносился ожесточенный собачий джаз-банд. Мы въезжали в один из самых беспокойных оазисов Туркестана. Вся его история—набеги, грабежи, междоусобия. В силу своей отдаленности и окружения из трех пустынь этот край был доступен лишь самым исключительным завоевателям. В XIII веке монголы Чингиз-хана сравняли оазис с землей, разрушив все плотины на Аму-дарье; в XIV веке Тимур дважды превращал это буйное убежище в пепел и развалины. В XV веке пришли узбеки, окончательно утвердившиеся здесь. Ханские интриги, междоусобия, постоянная резня делали оазис похожим на разбойное гнездо. Еще совсем недавно (в 1918 году) Хива была вырезана и сожжена последним претендентом на власть—хищным неукротимым Джунаид-ханом; остатки его банд рыскали в песках до самого последнего времени.

Недоверчиво смотрелось на берега Шавата, едва маячившие в ночной черноте. Возникали какие-то неопределенные очертания и как будто подстерегающе двигались у самой воды.

Эти мрачные мысли, навеянные хивинской историей, прервал один из наших спутников, как потом оказалось,

служащий Узбеквино. Он неожиданно спросил из темноты:

— А вы знаете портвейн номер четырнадцать?

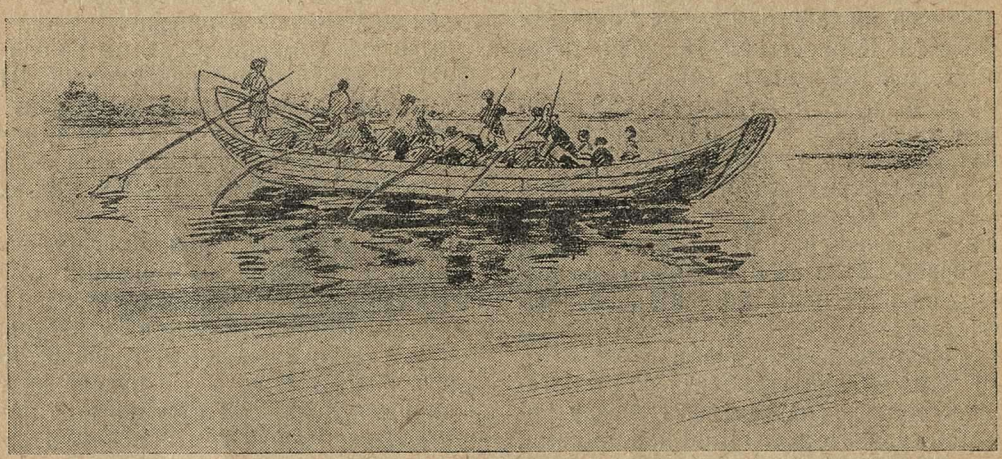
Мы смущенно промычали в ответ.

— Ну, тот, который стоит три рубля десять копеек? — настойчиво подсказывал собеседник.

Мы были подавлены своим невежеством. Хорошо, что кругом была разлита спасительная темнота, которая не выдала нашего смущения. Этот разговор вернул нас к обыденным вещам—захотелось вздремнуть. Из-за тесноты мы могли лечь только поперек лодки. Сбоку подпирали ящики, царапавшие проволокой и гвоздями, и какие-то мокрые мешки. Если нужно было повернуться на бок, тело переламывалось в пояснице, и через полчаса трудно было разогнуться. Тем не менее сон пришел, и мы проснулись лишь на рассвете, когда грузчики чем-то осыпали нас из лопнувшего мешка. Мы приехали в Ургенч.

Новый Ургенч—теперь окружной центр, перенесенный сюда из Хивы. Город стоит на торговом пути; здесь целый ряд разных представительств и отделений центральных организаций. У пристани огромными валами и четырехугольниками сложены тюки с хлопком и хлопковым семенем,—берег от этого кажется угрюмым серым укреплением; впечатление усиливается еще походными кострами и палатками, которые разбиты на берегу многочисленными артелями каюкчей.

День был базарный. Часам к восьми начался съезд. Базарный лабиринт с крытыми переходами и закоулками, с пещерным полумраком лавчонок зашевелился. Около рядов разлилась пестрядь халатов, на прилавках появились кучи цветистых яств и разной мелочи, поднялась бестолковая толкучка. Немного в стороне от главного расположен лесной базар. Он своеобразен и не похож на наши среднерусские базары, где пахнет рощей от березки, полукруглыми стопками сложенной на возах, где на дровнях вытянулись толстенные бревна, пахучие и желтые, как мед. Здесь не дровяной, а скорее прутьяной базар:



Из Турт-куля в Ургенч на каюке.

отовсюду пучками топорщатся сучья и колья, словно пучки окаменевших змей, возвышаются кучи саксаульника, торчат бревешки, короткие и корявые, похожие скорее на слеги. Все это перепутано, растрепано и взгромождено на высокие арбы; людей и лошадей не видно,—и базар кажется каким-то буреломом, в котором запутались огромные колеса повозок.

Вопрос с лесными материалами здесь, в окружении пустынь, конечно тяжел. Каждое растение тут, как и во всяком оазисе, на счету и дорого. Приходится помнить, что, вырубая куст или дерево, тем самым развязываешь пески и накликаешь на свою землю бесплодье. На топливо идет саксаул, каменнотвердое и скрученное зноем дерево пустыни. Местные жители часто отправляются за 40—60 ки-

лометров в пески, чтобы привезти воз саксауловых палок.

Часов в 11 мы наняли пару лошадей с тарантасом, чтобы ехать в Хиву, до которой оставалось километров 35.

Обычно представляется, что в знойной стране, в соседстве с песками ездят только на верблюдах или, на худой конец, на ослах. Но это не так. Главным помощником и другом в хозяйстве дехканина остается все-таки лошадь. И та же самая сивка, которая, утопая в снегу, тащит розвальни архангельского крестьянина, тянет здесь арбу хивинца по песку в шестидесятиградусный зной. Недаром происхождение лощади в легендах этого края окружено поэтическим ореолом. В одной из них рассказывается про мифического Сулеймана, могущественного вождя и ведуна, которому подчинялись не только люди и животные, но и воображаемые дивы. Однажды Сулейман выследил тысячу легендарных крылатых коней, которые приходили на водопой к одному источнику. Он решил овладеть конями и приказал подлить в родник араки. Когда кони напились и опьянели, люди Сулеймана переловили их и подрезали им крылья. С тех пор лошадь стала первым другом человека.

Хазарасп в переводе значит: тысяча коней,—этим именем до сих пор называется один из городов в южной части Хивинского оазиса.

Хивинская дыня

II

Великая пыль. — Лица мумий.—Тарелки болот.—Дыни в свинцовых футлярах.—Наводнение на дороге.—Кусок пустыни. —Селение мертвых.—Чилим, или круговая зараза.

Едва мы выехали за город на хивинскую дорогу, нас окутало непроницаемое облако легчайшей лессовой пыли[1]). Глинистая почва под ногами животных и колесами размололась буквально в пудру, покрывшую дорогу пухлыми перинами. От копыт лошадей летели пыльные брызги, которые молниеносно распускались в воздухе плотной серой мглой. Когда ветерок дул сзади и совпадал с направлением дороги, то казалось, что скоро наши легкие доверху наполнятся пылью и в Хиву привезут только наши трупы. К счастью, ветерок иногда задувал сбоку и давал нам передышки.

Когда мы взглянули друг на друга в первый раз, то не узнали знакомых обликов: вместо обожженных медных носов и щек мертвенно серели лица мумий. На руках, на влажной шее, на лице и плечах лежал миллиметровый бархатно-серый слой лесса. Обтираться и стряхивать было бесполезно. Оставалось в защиту легких крепче прижать платок к носу и наблюдать, как пыльные сугробы самостоятельно отваливались с лица и одежды подобно штукатурке. Мы утешали себя тем, что эти пыльные маски нам на руку, так как предохраняют кожу от солнечных ожогов.

Первые километры от города дорога шла культурной полосой: по сторонам тянулись четырехугольные тарелки полей с приподнятыми краями, сады, опоясанные глинобитными лентами дувалов, мелькали домики цвета окружающей земли, чахло глядела зелень, покрытая все тем же лессовым пеплом. Июльское половодье на Аму-дарье принесло много воды, ее жадно пили костенеющие под зноем поля. Многие «тарелки» были до краев налиты водой под рисовые посад-

1) Лёсс — изобилующий кислой известью суглинок — светложелтое отложение современной геологической формации.

Рисовые поля выглядели ржавыми болотами...

ки и выглядели ржаво малярийными болотами. Хлопок, джугара[1]) и дыни не любят корок на просыхающей почве, поэтому поля для них разделываются грядками, и вода напускается только в борозды.

На полях было сравнительно пусто: пшеница и ячмень уже были сняты; низкорослый хлопок еще юно нежился в желтых цветах,—лишь в сентябре на нем образуются коробочки с белым волокном; джугара тоже младенчествовала,—ее двухметровая тропически тучная зеленая стена поднимается только к осени.

Здешние лессовые земли плодородны не менее чернозема и при надлежаще поставленной системе орошения способны давать две жатвы в год.

В большом почете здесь и дыни, которые с июня по октябрь составляют важную статью в питании местного населения,—едят их с лепешками. Хивинский оазис издревле славился бахчами. Известно например, что еще в IX веке дыни вывозились отсюда в Багдад (на Тигре), ко двору арабских халифов. Чтобы сохранить столь нежные плоды при караванной перевозке по знойным странам, для них делались специальные свинцовые футляры, которые обкладывались снегом. В результате этой сложной торговой операции хивинская дыня стоила в Багдаде 700 диргемов[2]).

В одном месте капризная Аму догнала нас и устроила нам каверзу: на соседнем поле ее обильные воды прорвали

---

[1]) Джугара—просо; достигает двух метров высоты, зерна висят в виде гроздей, загнутых книзу.

[2]) Диргем—серебряная арабская монета времен халифов весом в 1,45 грамма, так что 700 диргемов содержали около кило чистого серебра.

вал запруды, и вода ринулась в корыто дороги, — получилось настоящее наводнение. Мы вылезли из повозки и пробирались высокой обочиной. Тарантас наш по сиденье ушел в воду, и лошади недоуменно, но охотно лезли водополкой.

Но скоро вода сменилась настоящей пустыней: кишлаки оборвались, и нашим глазам открылось безбрежье раскаленных песков, которые властно оборвали всякую жизнь и захлестнули дорогу. Колеса сразу заело, и лошади понуро остановились. Сначала мы бодро шагали рядом с облегченным тарантасом, который две лошади с трудом волокли по пескам. Но скоро головы наши налились свинцом, ноги опускались как в вату,—каждый шаг, затрудненный и укороченный сыпучей почвой, раздражал.

Так продолжалось с час, если не больше. Местность слегка повышалась, и когда мы поднялись на перегиб, то увидели впереди зелень. Так повторялось и дальше: селение, а за ним пустыня, а там смотришь опять пятно жизни.

Мы въехали в селение, но оно придвинулось к дороге обширным кладбищем и потому казалось селением мертвых. По обеим сторонам сгрудились мазары (намогильники). Большинство из них напоминало форму тех удлиненных палаток с заостренным хребтом, которые употребляют от комаров. Казалось, десятки воловьих туш легли рядами в мертвом оцепенении. На некоторых надгробьях глина осыпалась, торчали ребра деревянного остова. Кое-где виднелись более сложные надгробья, сделанные в виде мечетей: у них был купол и на передней стороне стрельчатая арочка входа; рядом на высоких шестах развивались религиозные эмблемы в виде тряпочек, лент и конских хвостов. Среди этих строений притаилась завистливая тишина тления и отзвучавших веков.

Вскоре мы достигли Карамана—перепутья с чаепитием. Над нами поднялся целый столб пыли, когда мы начали приводить себя в порядок. Приятно было подставить голову под тонкую холодную струю кунгана [1]).

Чай-хана в Караване.

1) Кунган — кувшин для умывания с тонким длинным носом.

Чай-хана, у которой мы остановились, представляла собой длинный сарай на высоком фундаменте; крыша по решотке была забрана соломенными цыновками, узкие стороны сарая открыты, вдоль стен возвышались помосты, устланные войлоком, кошмами и коврами, а у входа стоял стол и скамья для тех, кто не умеет сидеть по-восточному, поджав под себя ноги. Сюда заезжали насладиться любимым кокчаем и до самозабвения пососать чилим, сдобрив все это приятельской беседой.

Чилим, содействующий дружеской беседе, является одним из антигигиенических средств бытового обихода.

Чилим.

Делается он из грушевидного плода горлянки—тыквенного растения; сверху на табак кладут угли; дым уходит в мундштук из нижней части чилима. По заказу чаевничающей компании изукрашенный орнаментом чилим заряжается табаком и углями; получивший его первым делает две-три одуряющих затяжки — и прибор идет дальше по кругу изо рта в рот; при таком употреблении чилим становится верным средством круговой заразы.

Снимаются лохматые черные хивинки, распахиваются халаты, рокочет беседа. А рядом на привязи вместо джазбанда огорченно и с ревом всхлипывают ослы; они всегда чем-нибудь недовольны: то поставили рядом другого осла, то засиделся хозяин...

(Окончание в следующем номере)

ХРОНИКА ТУРИЗМА

ГОРНЫЙ ТУРИЗМ.

С апреля этого года ОПТ'ом в целях ознакомления туристов со всеми сложностями горных переходов был организован семинарий по горному туризму. В программу семинария входила геология, горная фауна и флора, этнография, снаряжение альпиниста, горная техника и работа с компасом и картой. Под руководством т. Семеновского туристами был проработан курс горной техники, после чего кружок выехал на практические занятия на Кавказ, где и получил «боевое крещение».

Кружком был произведен спуск по леднику Безинги, где была пройдена на практике ледорубная техника. Вслед за этим были совершены два учебных подъема — на Цанер и Дыхний-ауш, а также проведено восхождение на Безымянную вершину высотой 4 500 метров. По прохождении на месте курса скаловой техники кружок разбился на звенья, из которых одно прошло через Верхний Чегем, другое через Цанер.

В результате краткого, но бодро проведенного семинария получилась группа ценных, знающих горное дело товарищей, которые в будущем смогут служить руководителями экскурсий.

ХИЖИНЫ ДЛЯ ТУРИСТОВ.

Группа туристов приближается к заветной цели — горной хижине, теплому углу, где можно отдохнуть, чтобы потом продолжать восхождение. Туристы устали, но надежда на скорый отдых подбадривает их. И вот когда достигнута горная избушка, оказывается, что она вся в дырах, потолок провалился, печка разломана — отдыхать приходится опять на холоде...

Так случается нередко. Поэтому ОПТ'ом текущим летом произведен в спешном порядке ремонт ряда горных хижин, а частью построены заново горные избушки на Безинги, Твиберском перевале, близ Казбека и близ «Приюта одиннадцати» на Эльбрусе.

АГИТ-ТУРИЗМ.

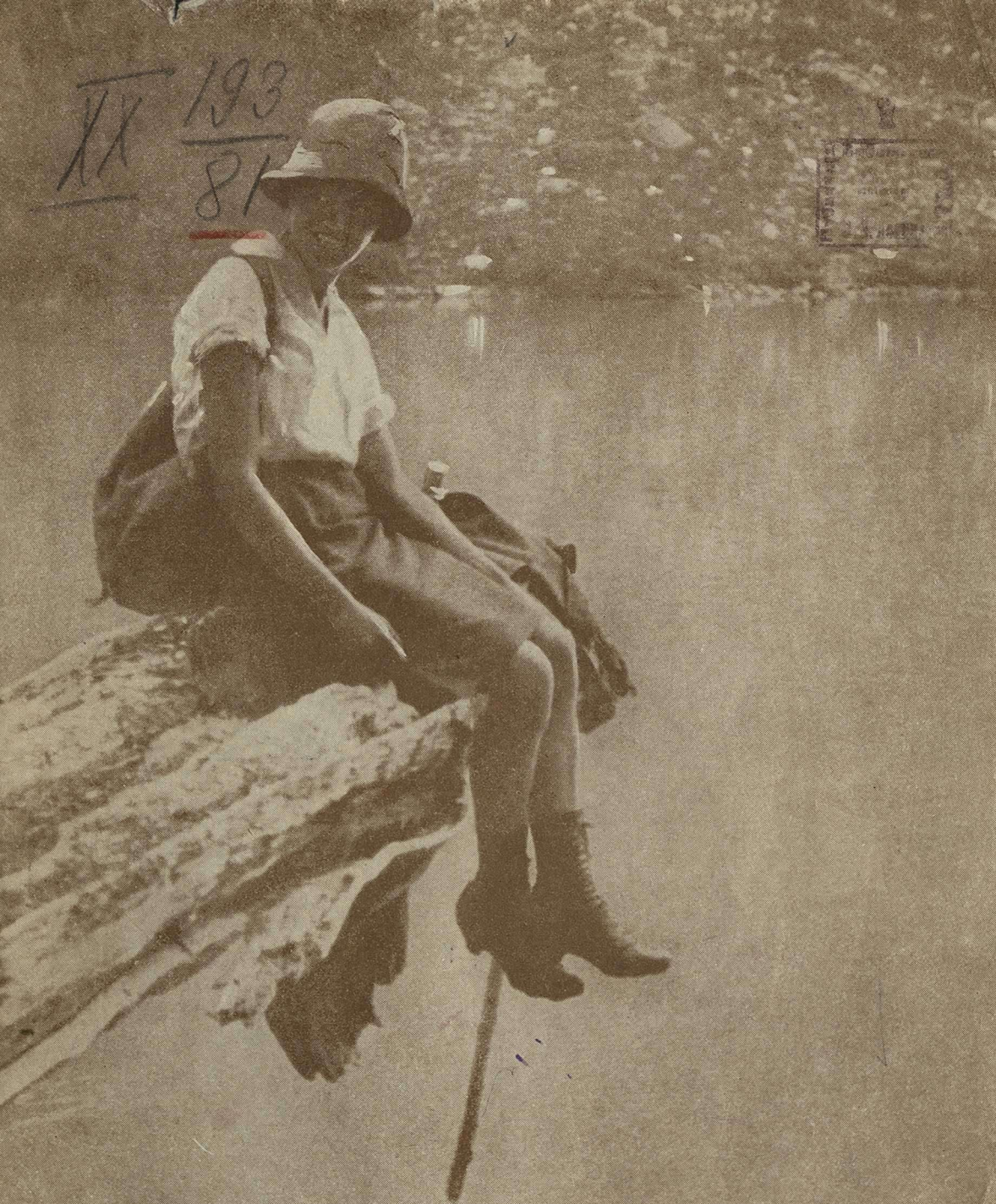
Лето — период разгара туристических выездов. В это время из Москвы отправляется большая часть экскурсий. Особенную ценность представляют те из них, которые захватывают с собой просветительную и агитационную литературу.

ОПТ, одним из лозунгов которого является: «Турист не только наблюдатель, но и носитель культуры», отправил несколько таких групп туристов, в задачи которых входило завязать сношения с населением обследуемых мест и агитационную работу по вопросам туризма.

Особенно ценными в смысле возможности провоза большого количества литературы оказались лодочные группы, которых было немало.

М. Ян.

XX 193/81



ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ

ПРИЛОЖЕНИЕ К №11 ЖУРН. „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ"
1929 г.

По хивинскому оазису

Путевые очерки **А. Романовского** Рисунки худ. **И. Заславского**

(Окончание [1])

III

«Чортик».—Живые статуи с Соленого озера.—Поливка дороги. — Чигири-самокаты.—Цирковая езда.—Ночные вампиры.

Воспользовавшись тем, что наши лошади еще не доели корма, я вышел из чай-ханы, чтобы по обыкновению побродить поблизости.

Чай-хана стояла на краю селения. Рядом жухли в пыли и зное непроницаемые шапки карагачей [2]). Земля была пепельно серая, сожженная. Вскоре я обратил внимание на множество мелких воронок, которыми как оспинами была усеяна почва. Это были маленькие кратеры, сантиметров до пяти глубиной. Они были сделаны в сыпучем грунте, стенки их были идеально гладкие.

Наблюдая за одним из этих углублений, я заметил маленькое насекомое, которое сразбегу заползло на самый край ямки и, не удержавшись на крутой сыпучей стенке, покатилось в воронку. Докатившись до центра, насекомое судорожно рванулось кверху, а потом завертелось в отчаянном клубке, поднимая пыль. Если бы все это происходило в крупных размерах, вероятно на дне ямки открылась бы картина смертной схватки. Так оно и было в действительности. В центре кратера сидел хищник, и углубление было его искусной ловушкой. Приготовив предательски сыпучие стенки, сам он зарывался в землю, а наружу торчали лишь сильные клешни, на которые и попадало неосторожное насекомое. Хищника трудно разглядеть в пыли, так как он похож на комочек засохшей грязи. Если не ошибаюсь, этот хищник называется личинкой муравьиного льва; в просторечье его называют просто «чортиком»—да он того и заслуживает!

Возвращаясь к чай-хане, я был озадачен новым зрелищем. Немного поодаль, направляясь к селенью, медленно двигалась группа девушек и молодых женщин, одетых в темнокрасные и голубые платья. Необычайное заключалось в том, что открытые лица и руки этих женщин были мелово белы. Это было так неестественно, что женщины напоминали закутанные в разноцветные одежды статуи. Но статуи кокетливо прятались друг за дружку, сверкали угольками глаз и задорно смеялись. Они могли позволить себе эту вольность, потому что дело происходило на расстоянии, а главное вне селения.

Оказалось, что это «белое безобразие» совершается во имя косметических требований. По соседству с Караманом имеется Соленое озеро—одно из многих в этом краю. Его воды сернисто-солены и целебны. Издавна съезжаются сюда больные ревматизмом и опухолями с тем, чтобы достать со дна озера темного исцеляющего ила и обложить им свои недуги. Своенравная традиция нашептала женщинам, что и на лице от этого ила пропадают прыщи и лишаи, а кожа становится нежной и бархатистой как персик. И вот юные мученицы красоты мажут себе лицо и руки, несмотря на разъедающую боль в ссадинах и трещинах кожи; высыхая, ил от присутствия соли становится белым, и женщины на время смертельно бледнеют.

Когда толпа кокеток скрылась за углом, я возвратился к чай-хане, и мы отправились дальше. Снова нас окутало удушающее облако пыли. Навстречу попадались дехкане: семейные кучами теснились в арбах, одиночные увесисто и домовито восседали на тонконогих, похожих на жеребят ослах. Они, не объ-

---

[1]) Окончание путевых очерков «По хивинскому оазису», начало которых было помещено в № 8, не вошло в предшествующие номера по техническим причинам.

[2]) Карагач (кара-агач)—черное дерево, названное так за густоту лиственного покрова.

езжая, окунулись в клубы пыли, вздымавшиеся за нами, и равнодушно глядели на наше удушение.

Но и местным жителям, очевидно, досаждают эти непрерывные пыльные волны с дороги. Они даже пытаются бороться с пылью, но труд их напрасен. Около одного селения, где вдоль дороги чахли деревца, а под ними журчал арычок, несколько человек, стоя по колена в воде, брызгали из канавы на дорогу. Но разве можно было укротить эту непокорную стихию при помощи окропления? Через несколько минут на дороге оставался лишь рисунок капель и потоков.

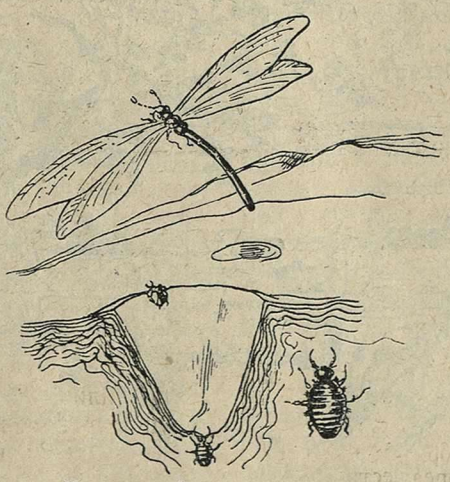
По мере приближения к Хиве дорогу все чаще пересекали арыки. Через них перекинуты деревянные мосты совершенно такой же архитектуры, как и на наших шоссейных дорогах. На белых новеньких бревнах перил стояли названия каналов: Шават-арык, Газават, Низагаз, Зей, Уразан и мощный Полван-арык. По берегам они иногда буйно лохматились камышом и кустами. Арыки послушно и неутомимо работают на человека. Вдоль их берегов расставлены чигири-самокаты. Огромные мельничные колеса с густой оборкой наискось привязанных кувшинов вращаются, подгоняемые течением; вода из арыков попадает в желоба, а оттуда проливается на поля. Этим приспособлением в хивинском оазисе пользуются издревле, так как уровень воды там низок, и его приходится искусственно поднимать до высоты полей.

Но вот наконец впереди, из-за бордюра зелени воткнулись в небо две радиоиглы. Оттуда же, словно соперничая с мачтами нового мира, выглянул и хранитель старины — огромный минарет. Это была Хива.

Мы не без волнения подъезжали к этому отдаленнейшему уголку нашего Союза, отмеченному в веках такой суровой историей, уголку, которого почти не коснулась европейская цивилизация. Вот поперек дороги встала высокая, метра в четыре, глинобитная стена, охватившая огромный четырехугольник земли; дорога перед ней покорно свернула вправо, в объезд. Этот участок — бывший ханский фруктовый сад. Дальше встают вышки и нагромождения восточного города. На глинистом фоне сооружений отчетливо и радостно, словно клочки весеннего неба среди облаков, мелькают пятна голубой и зеленой глазури. Вот древняя массивная стена, вся в трещинах и осыпях, — она похожа на дряхлую оплывшую старуху, грузно сидящую в кресле.

Прямо перед въездом в город — старое кладбище, куполообразные и стрельчатые мазары, которых коснулась тяжелая рука времени. Но вот и Куш-дарбаза — двойные ворота с высокими голубыми башенками. За воротами — небольшой базар, а дальше — своеобразный городской лабиринт. Непривычному человеку становится не по себе в этих щелях, которые исполняют обязанности улиц.

Возница перед домом задает шику — и вы не знаете, куда смотреть: то ваше правое колесо проскочило на два миллиметра от огромной скобы, торчащей из ворот дома, то слева тарантас повис над двухметровым арыком, полным воды, то прямо на повороте дерево, на которое во весь опор летят ваши лошади, то навес над лавчонкой наровит отхватить у вас полчерепа. Но возница настолько же ловок, насколько и неукротим: нигде не шаркнул, не стукнул. Вот он лихо свернул на мостик и остановился на небольшом пустыре, ограниченном в виде буквы «Д», где нижняя линия — арык, верхняя и правая — высокие стены бывшего ханского дворца, а левая — дом возницы. Туда вели большие ворота, вроде тех, какие у нас в



Муравьиный лев и его личинка.

деревнях делают на сенных сараях. Мы вошли.

Помещение освещалось через ворота. Большой угол занимало глинобитное возвышение, устланное кошмами и коврами. Справа при входе был очаг, рядом с ним — открытый вход в конюшню. Пол был земляной. По стенам висела упряжь, в углах громоздились разные принадлежности извозного хозяйства. Здесь же через полчаса приютился и тарантас, на котором мы приехали. Это помещение было для гостей и постояльцев; домашняя половина была изолирована.

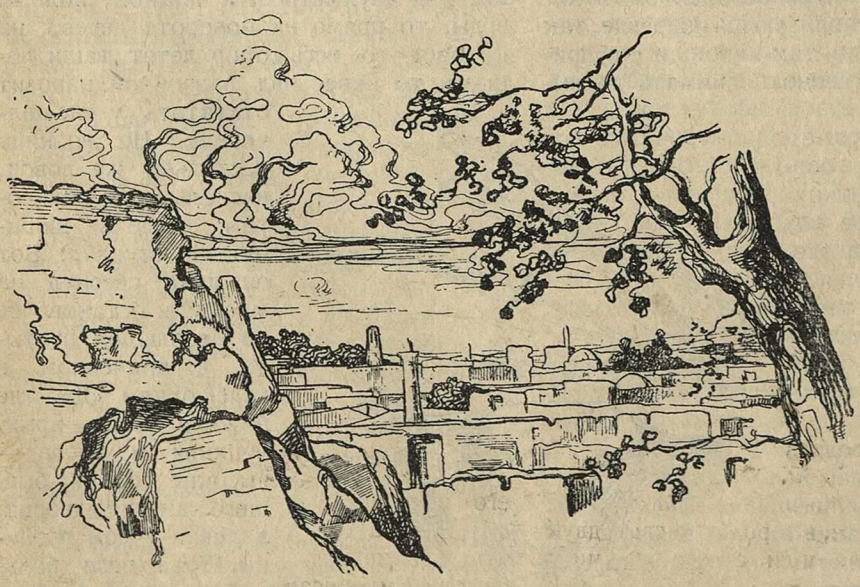
После жирного плова и кок-чая мы вытянулись на кошмах. Рядом домовито пофыркивали лошади. По телу гуляли блохи, а в открытые ворота заглядывали звезды с длинными золотистыми ресницами и летели невидимые комары. Они обладали искусной военной тактикой— искусали нас после того, как мы заснули. Утром мы считали на руках огромные шишки, и нам казалось, что ночью в нас впивались не комары, а целые вампиры.

IV

Городской лабиринт. — Ходячая тюрьма. — Каменный зонтик. — Ханский обычай.

Хива — это прежде всего удручающая теснота, детские размеры улиц и невообразимая путаница, — словно какой-то великан сдавил город с боков: дома сплющились, налезли один на другой, улицы превратились в щели, изогнулись, изломались. Когда в такую улицу въезжает арба, она двигается в ней как поршень, заполняя все пространство: пешеходы жмутся к стенам, а встречные повозки ожидают на перекрестках или поворотах. Вы идете словно по дну глубокого рва, по сторонам — гладкие глухие стены, в которых прорезаны небольшие отверстия с массивными окованными дверями, а высоко над ними «глазки», забранные железной решоткой. Все это явственно говорит о том, что хивинские традиции предписывали не только прятать интимную домашнюю жизнь от постороннего глаза, но и строить жилища так, чтобы они в нужную минуту могли быть превращены в крепости. И вертлявый запутанный лабиринт коридоров-улочек был подспорьем при защите, так как его нельзя было просмотреть ни с какой высоты, и врага за каждым углом могла ожидать смертельная опасность.

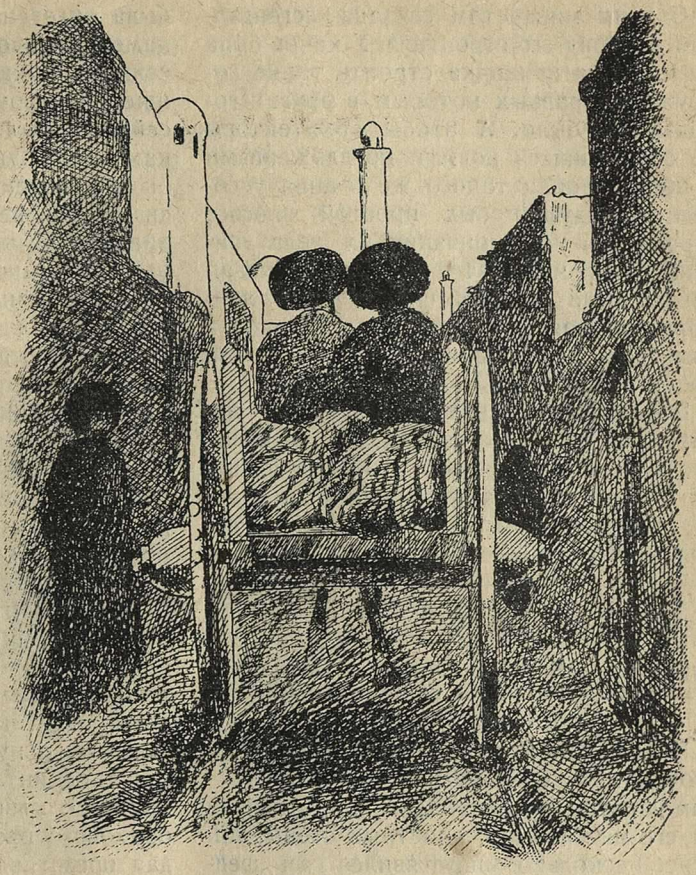
Но эта же теснота таит для мирного наблюдателя множество интересных неожиданностей, — они ждут его за каждым поворотом: то это любопытный архитектурный уголок, то вертепоподобная нора базара, то бытовая сценка в нише какого-нибудь торговца, то чудесные линии и краски минаретов. Здесь все своеобразно и полно разительных контрастов. Величавый размах мечетей и нищенская скученность жилищ, роскошь садов бывшей знати и малярийные закоулки за их стенами, непередаваемая девственная чистота столетних орнаментов и дикая грязь базарного настила.



Стена крепости старого города и панорама Хивы.

Навстречу идут люди в темнокоричневых подпоясанных

халатах и черных широких папахах. В противоположность округлым и немного разнеженным, в распущенных халатах бухарцам, фигуры хивинцев жилисты, тонки, их лица сухи и немного хищны. История и сотни километров песков наложили на них свою печать. Вдоль стен черными видениями скользят женщины. С головы до ног их окутывает паранджа — длинный халат с закинутыми назад ненужными рукавами, а оставленную щель против лица закрывает занавесочка из плетеного конского волоса, похожая на черную марлю; из-за нее смутным мертвенно бледным пятном выглядывает лицо. Тяжелое отталкивающее впечатление производит эта ходячая женская тюрьма. Помимо рабского отношения к мужчине, которое символизируется паранджой, это одеяние варварски жестоко: в донельзя раскаленных улочках и без того дышать нечем, а под этим черным колпаком вероятно сущий ад. Кроме того, по старинному обычаю плетеная занавесочка дается раз на всю жизнь — это с двенадцати-тринадцати лет этак до восьмидесяти! Можно себе представить, в какую грязь и кусок заразы превращается этот штопанный и перештопанный придаток паранджи. Правда, неприкосновенность этого обычая в последние годы сильно поколебалась. Немало молодых женщин и девушек встречается и без паранджи, а многие другие стараются соблюсти этот закон только перед мужчинами-мусульманами. Нам пришлось видеть в Самарканде, в городском саду, двух узбечек, которые шли с откинутыми с лица прикрытиями, пока им встречались европейцы, но как только они завидели группу мусульман, они опустили свои занавески.



Арба на улице Хивы.

Хивинский базар представляет собой в центре каменный зонтообразный навес, от которого улочки расходятся звездой. Над примыкающими проходами тянутся навесы, покрытые хворостом, грязным тряпьем, истлевшими цыновками. И вы не верите глазам, когда, поднявшись на четыре ступени в сторону, попадаете из этого мрачного базарного вертепа к мечети Мад-Амин-хана. Перед вами — изящнейшая линия величественной стрельчатой арки, а в стороны — галлерейки с мавританскими нишами. Портал изукрашен тонкой вязью орнамента — белым по синему полю. Слева глаз радуют две мягко сходящиеся кверху линии недостроенного минарета. Вся его пятидесятиметровая высота сплошь облицована оглазуренным кирпичом, при чем краски идут геометрически разрисованными поясами: зеленый, лазурный, желтый, синий, фиолетовый.

С этим минаретом связана легендарная история его строителя. У ханов была тщеславная привычка строить такие сооружения, равных которым в других городах не было. А чтобы архитекторы не соблазнились новыми предложениями и не построили такого же здания у соседа, придуман был простой способ; строителей по окончании их дела убивали. Так и на этот раз был вызван чужеземный зодчий. Он не знал ханского обычая и строил со всем присущим ему искусством. Постройка была почти закончена.

Все восхищались мечетью. Но вот архитектор узнал, какая судьба ожидает его по окончании работы. И он сбежал, не достроив минарета, чтобы не быть сброшенным с него по приказанию вероломного хана.

V

Нурла-бай. — Музейная эпопея. — Следы преступлений. — Восточная панорама. — «Человек дороже красоты».

После ханов в Хиве осталось семь дворцов. В одном из них — Нурла-бае — помещается горсовет. Едва мы заглянули за его массивные крепостные стены, как через несколько минут явился сам председатель совета — Дудры-Фанаев и несколько человек служащих, хотя час был неслужебный. То обстоятельство, что мы в такую глушь забрались прямо из Москвы, произвело фурор, на нас смотрели с нескрываемым любопытством, как будто мы свалились с другой планеты, и, думается, подозревали, что мы явились сюда не спроста, а с какой-нибудь тайной миссией. Дудры-Фанаев ласково смотрел на нас грустными глазами и жал руки, а на нашу просьбу — разрешить осмотреть дворец — охотно отозвался:

— Пожальста, пожальста.

Мы двинулись в сопровождении двух комсомольцев.

Главный дворец — это огромное тяжелое здание в стиле обычной туркменской сакли. Здесь такие же башенки по фасаду, такие же глухие стены и кованные ворота, только все это в крупных размерах. Внутри, за стенами — множество комнатушек, переходов, внутренних двориков, галлереек, в которых легко запутаться. Задняя часть дворца прежде была отведена под гарем. На внутреннем каменном дворе устроен огромный бассейн, по бокам которого стоят две большие проволочные клетки. Раньше в бассейне плавали золотые рыбки, а в клетках сидели птицы и звери, которые должны были развлекать молодых затворниц. Но двадцатый век просочился и в эти потаенные углы: в одной из прилегающих зал для гаремных обитательниц было устроено кино. У хана было четыре жены, а у каждой — от двадцати до пятидесяти служанок. Теперь эти помещения занимаются райкомом, а залы — под съезды и конференции.

Последние ханы старались приспособиться ко вкусам своих европейских хозяев, — рядом со старым зданием во дворе Нурла-бая построен дворец по европейскому образцу, с окнами и печами. Он был сооружен для представительства. Здесь наряду с тонкой кружевной разделкой потолков (чернью по бронзовому фону) есть много аляповатостей, например: камины так цветисто оглазурены, что напоминают нашу деревенскую поливную посуду.

Самое интересное в Нурла-бае — это изящные хивинские колоннады. Колонны орехового цвета тонки, стройны, и каждая представляет образец высокого резного искусства. Все вместе они дают впечатление чего-то хрупкого, но дерзкого под грубыми тяжелыми навесами галлерей.

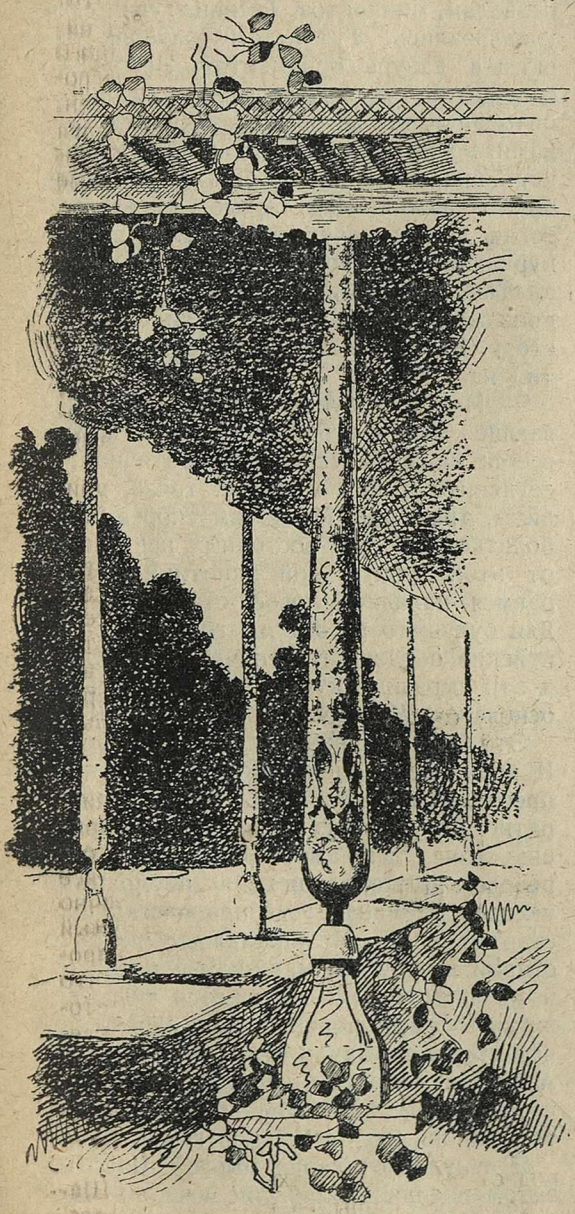
Хива обзавелась и своим музеем, но это учреждение дышит не краеведением, а захватывающей романтикой. Наше путешествие туда походило на страничку из таинственной восточной повести.

Музей находится в центре города и занимает тоже один из ханских дворцов. Этот дворец в последний налет (в 1918 году) на Хиву разбойного Джунаид-хана подвергся основательному разрушению.

Мы вошли через его тяжелые окованные ворота утром, часов в девять. Сначала мы попали в маленький дворик, похожий на колодец среди высоких мрачных стен. Вверху голубело небо. Кругом звенела тишина. Мы двинулись направо под своды. Оттуда пахнуло холодом. Коридор был длинный и кривой.

Внезапно из мрака выдвинулась фигура с ведрами в руках. Мы попятились

и залепетали про музей. Человек что-то буркнул по-тюркски и прошел. Он оказался сторожем. Мы вернулись к воротам и при помощи одного прохожего, знавшего по-русски, объяснили сторожу цель нашего прихода. Тогда он оставил нас в первом дворике, а сам куда-то скрылся. Мы сидели долго. Когда сторож вернулся, он кое-как объяснил нам, что заведующий встал и пьет чай. Потом он невозмутимо принялся поливать свою пещеру.



Терраса дворца в Хиве.

Прошло с полчаса. Сторож явился и позвал нас за собой. Мы долго шли мрачными сводчатыми коридорами, двориками и закоулками. Сторож отворял дверь за дверью и снимал увесистые замки. Наконец он привел нас в обширный внутренний двор, выложенный плитками. Мы устроились в одной из ниш на деревянной, покрытой ковром кровати и осмотрелись.

Посреди двора плитки пропускали чахлое деревцо. На месте прежнего фонтана был устроен очаг, в котором сторож кипятил себе чай. Вдоль второго этажа шла галлерейка. Стены были облицованы под ковры. На всем лежал отпечаток разрушения и запустения: облицовка во многих местах осыпалась, плиты были вывернуты, своды кое-где обрушились. Дворец представлял собой полуруины.

Прошло около часа. Мы надеялись, что будем вознаграждены интересными рассказами заведующего, и потому терпеливо ждали. Наконец пришел человек в халате и белом тюрбане. Сторож закивал нам. Но человек не обратил на нас ни малейшего внимания и прошел в другую нишу, где стояла такая же кровать. Там он, не спеша, скинул халат, перевязал тюрбан, взгромоздился на кровать и как ни в чем не бывало принялся пить чай, который подал ему сторож. Мы выглядывали из своего убежища, покашливали, но это не производило никакого действия. Когда две пиалы были осушены, а третья налита, человек вынул черную хорошо переплетенную книгу и подошел к нам. Он молча подал книгу, а сторож угодливо суетился позади него и приговаривал:

— Пищи́, пищи́!

Мы раскрыли книгу и поняли, что она для посетителей. Заведующий особенно ревниво отнесся к графе о партийности и тыкал в нее пальцем даже после того, как мы ее заполнили. Теперь все формальности были в порядке, и сторож предложил нам следовать за ним, а заведующий вернулся на кровать, к налитому чаю. Мы разочарованно переглянулись и двинулись за неожиданным руководителем. Опять начались таинственные

переходы и закоулки, с тою только разницей, что теперь путь шел кверху: мы лезли по крутым лестницам без перил, выходили на плоские крыши, снова ныряли в окна, шагая через развороченные подоконники. Под ногами, как в горах, шуршали осыпи, щебень и глина.

Но вот мы у цели. И каково же было наше удивление! Из всех этих богатейших аппартаментов музей занимал только две полутемных комнатушки, из которых одна походила на кухню с закоулком, а другая — на кладовку. В первой висели портреты хана и его министров с царскими лентами, орденами и генеральскими эполетами поверх халатов. Тут же приютился и семейный портрет Романовых. В двух коробочках под стеклом лежали старые печати и разная мелочь ханского обихода. В кладовке находились старинная кольчуга и с десяток разных сабель.

Сторож сделал нам таинственные знаки и повел в какие-то внутренние покои. Тут были низкие потолки, разделенные бревнами на ячейки; бревна были покрыты коричневым лаком как деревенские ложки, стены разбиты на ковровые четырехугольники, при чем на ряду с рельефным тонким орнаментом на них были наклеены цветастые трактирные обои. В комнате стояло кресло. Показывая на него, сторож сказал:

— Хан Эсфендиар... — и сделал по шее характерное движение рукой.

— Убили?

— Да, да... Убиль Жной-хан...

Оказывается, на этом троне Джунаид-хан зарезал Эсфендиара — последнего хивинского хана. Пол был затоптан и грязен, — казалось, мы стояли на засохших лужах крови. Захотелось скорее на воздух из этого душного застенка.

Вечером того же дня мы с группой местных работников отправились к мечети Ислам-хаджи. Когда-то рядом с ней была медресе, теперь здесь школа для взрослых. Нас окружила толпа шумных людей, которые держали в руках тетради и буквари — они обучались латинизированному алфавиту. С большим увлечением показывали нам разницу новых начертаний с арабскими и различные упрощения в алфавите. Под конец мы всей гурьбой поднялись на минарет, чтобы взглянуть на Хиву при вечерних лучах. Одолев в душном и темном каменном столбе 120 полуметровых ступеней, мы замерли перед необыкновенным зрелищем, открывшимся с высоты.

В мягкой светотени заката перед нами развернулась панорама восточного города. Это было серопепельное нагромождение куполов, плоских крыш, стен, развалин, минаретов. Теснины улиц едва улавливались. Тут и там голубели бирюза и лазурь орнаментов. Невольные соглядатаи, мы увидели сверху и ту жизнь, которая внизу загорожена глухими стенами: во внутренних двориках буднично копошились женщины, бегали дети, курились дымки. Над городом висела розовая дымка вечернего часа. А вокруг курчавилось густое кольцо садов с зеркалами пригородных соленых озер. Мы, приезжие, невольно выразили свой восторг. Но местный партработник заметил на это:

— Мы не любуемся этой тесной, убивающей людей стройкой. Сверху жизнь всегда кажется уютной и поэтичной, а загляните к ним в жилье: грязь, паразиты, трахома!.. Мы хотим скорее освободиться от этих восточных прелестей, от этой губительной экзотики, и стараемся наладить новое строительство. Для будущего города мы возьмем европейские образцы гигиенического жилья, а эти смрадные кучи надо растрясти до основания. Человек дороже красоты!

Это был голос разума. Мы сошли вниз. И когда через некоторое время, снова преодолев великую пыль, мы плыли обратно по Шавату, в моих глазах все еще стояла панорама города в призрачно розовой дымке, а над ней — неумолимый человек на минарете с пророчески простертой рукой. И показалось мне, что старый восточный мир, как дед, со стонами и вздохами ворочается под свежими ветрами новой жизни, словно хочет сказать: «Зачем вы меня трогаете?» А потом басовито и обиженно бормочет: «Не могу, не могу!»—и «О-о-ох!..»— тянется из его бессильной груди.

Я очнулся от своих мыслей. Над Шаватом носились скрипучие вечерние песни чигирей-самокатов...